

Волков Юрий Григорьевич
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет;
Южнороссийский филиал ФНИСЦ РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ugvolkov@sfedu.ru

Гурба Владимир Николаевич
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет;
Южнороссийский филиал ФНИСЦ РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
vgurba@sfedu.ru

Новые социальные лифты в региональном пространстве российского общества: особенности формирования карьерных стратегий

Аннотация. В статье проанализированы особенности формирования карьерных стратегий новых субъектов регионального пространства по сравнению с традиционными карьерными стратегиями в контексте новых социальных лифтов как фактора влияния на цели карьерных стратегий. Авторы опираются на концепт новых социальных лифтов как механизма восходящей социальной мобильности по критериям социального самоопределения, социального творчества, социальной полезности. Основываясь на эмпирической идентификации концептуальных положений, статья демонстрирует обобщающий вывод о перспективе роста карьерных стратегий социального самоопределения при позитивной динамике деятельностного контура в отношениях между региональными элитами и новыми субъектами регионального пространства.

Ключевые слова: новые социальные лифты; карьерные стратегии; социальное самоопределение; региональные элиты; волонтерские движения

Volkov Yury Grigorievich
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University;
South Russian Branch of FCTAS RAS,
Rostov-on-Don, Russian Federation
ugvolkov@sfedu.ru

Gurba Vladimir Nikolaevich
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University;
Rostov-on-Don, Russian Federation
Vgurba@sfedu.ru

New social elevators in the regional space of russian society: features of the formation of career strategies

Abstract. This article analyzes the features of the formation of career strategies of new subjects of the regional space in comparison with traditional career strategies in the context of new social elevators as a factor of influence on the goals of career strategies. The authors

base on the concept of new social elevators as mechanisms of upward social mobility according to the criteria of social self-determination, social creativity, and social utility. Based on the empirical identification of conceptual positions, the article contains a result about the prospects for growth of career strategies of social self-determination with positive dynamics of the "activity contour" in relations between regional elites and new subjects of the regional space.

Keywords: new social elevators; career strategies; social self-determination; regional elites; volunteer movement

Постановка проблемы

В широкий оборот вошло выражение «Россия– страна регионов», которое, несмотря на амбивалентный смысл, значимо для понимания проблем развития регионального пространства. Региональное пространство как структурированность социальных позиций и взаимоотношений акторов регионального сообщества характеризуется такими фундаментальными параметрами, как соотношение социальных сил в формировании регионального пространства, внутренние социальные пропорции и диспропорции, социальный капитал акторов регионального пространства.

Новые социальные лифты в региональном пространстве, являясь недостаточно изученной социальной реальностью, «опережая» актуальное концептуальное осмысление, становятся ключевым фактором развития, определяя вектор приоритетов регионального управления и что, не менее важно, фокусируют внимание на механизме восходящей социальной мобильности, с чем связаны не столько перспективы экономического роста в регионах, сколько динамика социального самочувствия и социальных настроений, уверенность в будущем населения регионов.

Очевидно, что развитие российских регионов зависит не только от политики федерального Центра, степени политической централизации и единого политико – правового пространства, но и от ресурсного потенциала регионального пространства, совокупности возможностей экономического и социального роста, имеющего основной целью воспроизводство и развитие человеческого капитала регионального пространства. Национальная стратегия пространственного развития сформировалась в нулевых годах, но с самого старта вызывала нарекания в том, что, ставя целью обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития и использование комплексного подхода, в основном сосредоточилась на проблемах инфраструктуры [Трушин, 2019: 8–9].

Важность инфраструктурных проектов отрицать нельзя, но следует уточнить, что следствием перевода пространственного развития в наращивание финансовой и экономической ресурсности были сформированные, как под копирку, приоритеты, хотя и выяснилось, что ресурсов «на всех не хватит». Главное, что было упущено, – это разработка механизма реализации целей через создание социально – инновационной инфраструктуры, определение сфер ответственности, компетентности и мобилизационной готовности субъектов регионального пространства (политических

элит, бизнес–элит, общественного актива, молодежи). Таким образом, повторяется неизбывный недостаток регионального проектирования: низкий интерес к ресурсному потенциалу регионального пространства и ресурсоспособности субъектов регионального пространства.

Ясно также, что финансово – субсидиарная политика, направленная на закрепление зависимости регионов от финансовых ресурсов Центра, в современной ситуации не имеет перспектив возврат кризисных явлений в финансово – экономической сфере и расширения сферы компетентности и ответственности регионов в социально – экономическом развитии.

Российские исследователи еще в период торжества финансово – субсидиарной политики задавались мыслью о том, что динамика развития регионального пространства по индексу человеческого потенциала оценивается такими комплексными показателями, как социальное самочувствие, демографические, этнокультурные, социальные особенности населения, уровень жизни, культурный потенциал [Маркин, 2007]. И вместе с тем приоритет экономического роста как основного условия регионального развития значительно сужает рамки концептуализации регионального пространства как пространства новых социальных лифтов. При том что экономический рост не гарантирует позитивной социальной динамики, стимулируя появление новых социальных, социально – экологических рисков, до сих пор существует стремление сфокусировать задачи развития регионального пространства на принятии модели экономического роста (пространственной, инновационной). Вероятно, причина в том, что во взаимоотношениях федерального Центра и регионов действует схема иерархии ресурсов, согласно которой отмеченные модели роста связаны с вертикально интегрированными отношениями, ограничивающими поиск и стимулирование внутренних ресурсов регионального пространства.

Актуальным для сбалансированного пространственного развития является поиск новых социальных лифтов как механизма восходящей социальной мобильности субъектов регионального пространства, что ориентирует на изменение социально – статусных позиций по критериям социальной полезности, социального творчества, социального самоопределения. Исследовательский акцент может быть плодотворным, если новые социальные лифты анализировать и оценивать с позиций мультипликативного социального эффекта, определяя их влияние на карьерные стратегии субъектов регионального развития, сосредоточившись не на формуле «население региона», а обратившись к группам, ориентированным на новые социальные лифты в региональном пространстве и выявив возможные карьерные стратегии отмеченных групп как жизненные траектории, воспроизводящие нацеленность на новые социально – статусные позиции и, в конечном счете, способствующие достижению референтности (модальности) алгоритмов карьеры для социально и экономически активного населения региона.

Почему актуально изучение реальности новых социальных лифтов в региональном пространстве в контексте особенностей формирования карьерных стратегий субъектов регионального пространства? Во-первых, необходимо избавиться от понятия «новые социальные лифты» как от чего-то уникального, свойственного креативным слоям регионального пространства и не имеющего влияния на региональную повседневность. Во-вторых, региональное пространство как структурированность социальных позиций и взаимоотношений её субъектов находится в динамике разнонаправленных тенденций, так как действует старая схема новых рабочих мест и стимулирования традиционных карьерных стратегий, настроенных на жизненное благополучие, жизненный успех, должностной рост. Но в региональном пространстве, и это выявлено в социологических исследованиях, наблюдается переход к карьерным стратегиям социального самоопределения. Такой показатель, как место, регион проживания удовлетворяет, в среднем, 39 % респондентов, независимо от возрастного критерия. Данный показатель соотносится с положением, статусом в обществе (30 %) [Горшков, 2016: 205].

Очевидно, что есть определенный зазор между пространственной и социально – статусной удовлетворенностью, который может интерпретироваться как незначимый, но если исходить из состояния и перспективы новых социальных лифтов, разрыв между показателями является индикатором запроса на карьерные стратегии социального самоопределения.

Таким образом, исследование особенностей формирования карьерных стратегий является диагностикой регионального пространства, проявляющей противоречия между традиционным восхождением к карьере на основе «объема ресурсов» и качественно новым, связанным с построением карьерных стратегий субъектов регионального пространства в контексте «разнообразия ресурсов», то есть перевода образования, квалификации, мобильности в социальную активность, социальное творчество, культурно – символический дискурс.

Методы и методология

Следует подчеркнуть, что новые социальные лифты введены в концептуальный и социально – экспертный оборот, с ними связывается возможность анализа новых тенденций социальной стратификации и социальной мобильности в региональном пространстве. Вместе с тем, актуализированные структурный, функциональный и институциональный подходы фиксируют исследовательское внимание на выявлении традиционного механизма восходящей социальной мобильности, что воспроизводит схему объективных критериев. Иными словами, не утверждая, что исследовательская традиция не может адекватно отразить новую социальную реальность новых социальных лифтов в региональном пространстве, можно сделать вывод, что возникает теоретический тупик «увеличения» критериев.

Становится понятно, что региональное пространство не является одномерным, что политическое, экономическое, социокультурное поля формируют разнообразие ресурсов субъектов регионального пространства. Теоретическое обоснование новых социальных лифтов, несмотря на разнородность социально – статусных критериев, лишено объяснительного и аналитического смыслов в профессии, образовании, собственности, власти как схеме объема ресурсов и требует качественно иного подхода.

Исходя из ресурсоспособности субъектов регионального пространства, можно предположить, что новые социальные лифты являются сферой использования имеющихся ресурсов как реальных социальных активов. При этом обязательным условием является конвертируемость культурно – символических и социальных ресурсов в экономические, властные. Схема разнообразия ресурсов не имеет в качестве неизбежного следствия переход к объему ресурсов, то есть к тому, чтобы освоить власть и экономику, конкурируя с высокостатусными группами регионального пространства в доступе к ресурсному потенциалу и монополии на него.

Выявляется возможность определить новые социальные лифты как сферу социально – статусных изменений, связанных с социальной капитализацией, с тем, что можно назвать накоплением ресурсоспособности в контексте создания новых социальных, социально – экологических, социально – технологических ниш социальной активности.

Предлагаемый ресурсный подход, основанный на критериях ресурсного потенциала регионального пространства как совокупности возможности объективных условий создания новых социальных лифтов и ресурсоспособности субъектов регионального пространства как обеспеченности разнообразными ресурсами, не может быть охарактеризован как методологически безупречный и содержит, по замечанию Н. Е. Тихоновой, сложности эмпирической верификации критериев социального статуса индивидов (ресурсы, активы, капиталы) [Тихонова, 2014: 273].

Но преимущества ресурсного подхода состоят в субъектности, признании роли социального субъекта не только через деятельностную мотивацию, но и конструирование жизненных планов, ориентированности на социальный эффект имеющихся ресурсов, стимулировании запроса на новые социальные лифты как альтернативу традиционной восходящей мобильности.

Таким образом, новые социальные лифты являются социальным механизмом, имеющим мультипликативный эффект. Это показатель того, каковы приоритеты карьерных стратегий в региональном пространстве. Внешне новые социальные лифты охватывают в основном социально активные группы и слои регионального пространства (волонтерские движения, сетевые сообщества, субкультурные практики), но очевидно, что их социальная активность простирается за пределы внутригрупповой деятельности, становясь фактором ресурсного потенциала регионального пространства.

В исследовании американского ученого Р. Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» делается попытка на уровне конкуренции между различными регионами США рассмотреть ключевую роль креативной экономики [Флорида, 2011: 8–9]. Автор концепта креативного класса видит в качестве последствий изменения образа жизни и образа действий миллионов людей, динамику в сфере занятости и досуга местных сообществ. Следует, однако, отметить, что идеи Р. Флориды не получили поддержки в российском социологическом сообществе, что связано: во–первых, со спецификой описываемого социального явления как постулата американской предприимчивости и энергии; во–вторых – с психологией «кочевничества», высокой степени готовности американцев «менять место жительства и работы»; в–третьих, с высокой автономностью местных сообществ по отношению к центральной власти.

Актуальность «незамеченных» фактов в концепте креативного класса Р. Флориды выражается в том, что креативный класс, занимая ведущее место в современной экономике, согласно креативности как её движущей силе, квалифицируется не по критерию объема ресурсов (буржуазия, чиновники), являясь группой социального творчества. Не принимая высокопарную формулу «люди, которые творят будущее», можно согласиться с тем, что креативный класс обладает ресурсом социальной аттрактивности, социальной референтности.

В российском варианте креативный класс определяется как интегративная социальная группа, критерием которой является «приверженность к социальному творчеству», социальная ответственность, освоение новых сфер деятельности [Волков, 2011: 78–79]. Новые социальные лифты – это результат приложения усилий представителей креативного класса. Существенное уточнение состоит в том, что в условиях регионального пространства, где феномен больших городов не играет существенной роли, креативный класс модифицируется в группы – субъекты регионального пространства, не совпадая с традиционной социально – профессиональной деятельностью и не претендуя на системные социальные изменения.

Для реализации поставленной цели исследования предлагается сравнительный анализ карьерных стратегий должностного роста региональных элит, основанных на схеме объема ресурсов и волонтерских движений, ориентированных на карьерные стратегии социального самоопределения при актуализации схемы разнообразия ресурсов. В пользу выбора волонтерских движений в качестве референтных, по сравнению с другими субъектами регионального пространства, можно привести аргументы взаимодействия волонтерских движений и региональных элит в реализации социальных проектов и социальных инициатив: это высокая социальная мобильность, соединение профессионализма и социального творчества, нацеленность на конвертацию социального капитала в политический. Не снижая исследовательского интереса к социальным сетям и участникам субкультурных практик, заявивших о себе

в контексте создания новых социальных лифтов в региональном пространстве, следует подчеркнуть, что в обозримом будущем волонтерские движения станут ведущими в формировании карьерных стратегий, включая ресурсоспособность с заимствованием коммуникативных технологий у пользователей социальными сетями и креативность выработки дискурса консолидации, свойственного участникам субкультурных практик.

Результаты исследования

Актуализация ресурсного подхода к исследуемой проблеме обязывает проанализировать ресурсный потенциал регионального пространства как объективный критерий формирования новых социальных лифтов в контексте реализации карьерных стратегий субъектов регионального пространства. Сложность реализуемой логики исследования состоит в том, что ресурсный потенциал регионов оценивается по финансово – экономическим и структурно – организационным показателям (инвестиционная привлекательность, кредитоспособность, внедрение территориальных кластеров, практика программно – целевого метода в инновационном развитии региона) [Козлов, Потороченко, 2015: 245–247]. Таким образом, выявляется критериальная направленность на анализ внешне объективных показателей, но упускающих потенциал человеческого капитала. Недооценка данного аспекта имеет последствием неполноту и незавершенность ожидаемых результатов инновационного развития региона. Причина в том, что инновационное развитие региона в современной ситуации содержит дилемму «модернизация – оптимизация», это выражается в том, что модернизация регионального пространства, как отмечает Н. И. Лапин, основывается на комплексе усилий региональных властей и регионального сообщества по созданию информационно – когниционного общества, что достаточно проблематично в условиях социально – территориального неравенства регионов и доминирования сырьевой (добывающей) экономики. Это предполагает поэтапность модернизации, связанную на первом этапе с неомодернизацией [Лапин, 2015: 58–59].

Конечная цель – социокультурно сбалансированное развитие региона, что, на наш взгляд, связано с критерием ресурсного потенциала региона. Действительно, учитывая разноуровневость российских регионов по социокультурному развитию, по целостности социокультурного пространства, есть смысл, и это признается Н. И. Лапиным, проанализировать условия жизнедеятельности населения региона. Приоритет создания новых рабочих мест, внешне согласуемый с целью социокультурной сбалансированности, содержит противоречия между сложностью неомодернизации и внедрением информационных технологий. Очевидно, что интенсивный подход, основанный на возрождении и расширении индустриальной экономики, не срабатывает в современных условиях.

Следует подчеркнуть, что трансакционные издержки восстановления экономики чрезмерно высоки и требуют масштабных финансовых вливаний со стороны федерального Центра.

Другой проблемный момент состоит в том, что в региональном пространстве актуален дефицит квалифицированных ресурсов, что связано как с развалом системы профессионального обучения и подготовки, так и с сужением базы пополнения, рекрутирования кадров. Согласно социологическим исследованиям, если для 2/3 молодых людей 60-х – 70-х гг. XX века основной целью являлась интересная работа, то для нынешней молодежи подобный трудовой энтузиазм не свойственен. На 1 месте прочно утвердились семейные ценности.

Наблюдаемый тренд изменения жизненных приоритетов приводит к следующим выводам. Во-первых, при актуальности возрождения системы профессионального образования и повышения трудовой мотивации в молодежной среде, карьерное пространство как система взаимоотношений между субъектами регионального пространства относительно карьерных стратегий и карьерного роста, становится пространством новых социальных лифтов, не имеющих признаков массовости, не связанных с расширением вакансий занятости.

Во-вторых, ресурсный потенциал регионального пространства принимает во внимание показатель инфраструктуры новых социальных лифтов (волонтерских движений, социальных сетей, групп инициативных граждан, субкультурные практики). И здесь выявляется реальная проблема недостаточного уровня активности субъектов регионального развития для формирования в региональном пространстве запроса на новые социальные лифты и, соответственно, карьерные стратегии жизненного успеха и социального самоопределения. Карьерное пространство российских регионов, с одной стороны, характеризуется доминированием династического, сословного, семейного факторов, то есть неформального социального ресурса, что создает дисфункциональность карьерного пространства, реально работающего в режиме неформальных связей. Следствием отмеченной деформации функциональности карьерного пространства является параллелизм и дистанцированность во взаимоотношениях между субъектами регионального пространства.

Региональные элиты привыкли к реализации показателей, спущенных сверху, и это проявляется в отношении создания новых рабочих мест, где, как часто оказывается, господствует формализм и элементарные приписки. Следует отметить, что региональные элиты не демонстрируют самостоятельность инициативу в создании новых социальных лифтов и стимулировании адекватных карьерных стратегий, потому что в практиках региональных элит доминирует алгоритм должностного роста и бюрократической карьеры. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, посвященных проблеме российского чиновничества в целом и региональных элит в частности, утрачены навыки коммуникации чиновничества, бюрократического аппарата с гражданами, высок уровень взаимного недоверия и

претензий по поводу коррупционности, волокиты, неэффективности [Рагозин, 2016: 16–17].

Региональные элиты, воспроизводя карьерную траекторию с отражением отмеченных выше обстоятельств, сосредоточены на достижении объема ресурсов власти и экономики. Судя по профессиональному бэкграунду, 32 % – выходцы из бизнеса, 22 % – из депутатов и управленцев [Дука, 2020: 18]. Такая структура, позволяя воспроизводить клановость, корпоративность, обеспечивает внутриэлитную стабильность, имея признаки самовоспроизводства. В управленческих практиках делается акцент на минимизации усилий и мер, связанных с расширением карьерного пространства. Региональные элиты не заинтересованы в тотальном кадровом обновлении, у них вызывает тревогу появление нового поколения управленцев и в региональном пространстве, и назначенных сверху.

С другой стороны, субъекты регионального развития не ориентированы на карьерные стратегии, адекватные новым социальным лифтам. Речь о том, что на уровне волонтерских движений и социальных сетей, как показывают результаты социологических исследований, проблемы трудоустройства не оцениваются как актуальные, как собственная социальная инициатива. Региональные элиты не отзывчивы на проблемы занятости, а ресурсы субъектов регионального пространства слишком скромны для осуществления проекта создания новых социальных лифтов и реализации карьерных стратегий жизненного успеха и социального самоопределения.

Есть основание считать, что карьерные стратегии интерпретируются как личный выбор и в какой-то степени являются попыткой построить параллельную социальную карьеру как альтернативу привычной трудовой траектории или вхождения во власть. Также и декларирование социального самоопределения, социальной полезности не предполагает сотрудничества с региональными элитами (см. Табл.).

Таблица. Иерархия карьерных ориентаций волонтеров (2014–2016 гг.)
[Черкасова, 2016]

Годы		Карьерные ориентации							
2014–2015	Служение	Интеграция стилей жизни	Менеджмент	Автономия	Предпринимательство	Вызов	Профессиональная компетентность	Стабильность работы	Стабильность места - ства
2015–2016	Служение	Интеграция стилей жизни	Менеджмент	Автономия	Вызов	Предпринимательство	Стабильность работы	Профессиональная компетентность	Стабильность места жительства

Приведенные социологические данные не могут претендовать на абсолютность критериев, но свидетельствуют о трех значимых аспектах построения карьерных стратегий волонтерами в региональном пространстве. Во–первых, доминирует принцип служения, что подразумевает ориентированность карьеры на социальную полезность и общественный профессионализм, который не сводится к критерию доходности. Во–вторых, высок уровень претензий на автономию, возможности

самодеятельности в выборе карьерных площадок и достижения независимости позиций как фактора уважения в региональном сообществе и готовности к сотрудничеству с региональными элитами. В–третьих, участники волонтерских движений являются региональными патриотами, связывая карьерные перспективы с регионом и стабильностью жизненной траектории.

Жизненный успех воспринимается вне карьеры должностного роста, основываясь на показателях престижа, авторитета и являясь следствием недоверия к миру чиновничества. При этом жизненный успех скорее исключает, чем предполагает принятие социального самоопределения как формулы самоограничения, отказа от показателей конкурентоспособности.

Показательны результаты социологического исследования, проведенного в типичном для российских регионов городе Перми. Основными мотивами волонтерской деятельности являются: приобретение нового опыта, знаний и навыков (62,5 %), общение с интересными людьми (59,5 %), личное удовлетворение (58,5 %), возможность увидеть мир и познакомиться (48,5 %), полезные знакомства (46 %). Данные мотивы можно отнести к группе карьерных мотивов и мотивов расширения социальных контактов. Стоит вновь отметить, что альтруистические мотивы не вошли в первую пятерку. Но при ответе на вопрос «почему Вы стали волонтером» 59 % респондентов отметили вариант «улучшить жизнь в обществе (помогать людям)». Менее распространены среди волонтеров следующие мотивы: возможность защиты собственных прав (4 %), перспективы карьеры (5,5 %), возможность доступа к высокому статусу (16 %), ожидание ответной помощи (16 %) [Стегний, Никонов, 2018].

Карьерные позиции участников волонтерских движений в региональном пространстве противоречивы: с одной стороны, актуализируются установки, связанные с карьерой жизненного успеха, и не исключена нацеленность на перспективы должностного роста при использовании механизма полезных знакомств; с другой – приоритет отдается помощи людям, что содержит, хотя и в неприоритетном измерении, доступ к высокому статусу и ожидание ответной помощи. Резльтирующим выводом можно считать выбор карьерных стратегий социального самоопределения, поскольку акцент на схеме объема ресурсов, свойственный традиционным карьерным стратегиям, прослеживается слабо. Однако, признавая перспективу альтернативной карьерной стратегии, следует констатировать, что для её достижения новые социальные лифты используются нерегулярно и скорее в качестве роста информационно – когнитивного и коммуникативного ресурсов.

Анализ видов деятельности волонтерских движений в региональном пространстве (социальная работа – 34,5 %, благоустройство – 22,5 %, благотворительность – 9,5 %) [Доклад «О проведении научных, социологических и статистических исследований...», 2019: 6] приводит к заключению, что социально – инновационная направляющая волонтерства состоит в придании традиционным формам социальной активности нового содержания. Речь о том, что участники волонтерских движений в своей работе заинтересованы в реальной

деятельности и реальных результатах, уходе от формализма и массовости, добровольной инициативе.

Примечательно, что экологическая проблематика, работа в культурных и общественных организациях, что, казалось бы, включает рост потенциала самостоятельности волонтерских движений, занимает скромные позиции (1,1 % – 4,7 %) [Доклад «О проведении научных, социологических и статистических исследований...», 2019: 6]. Можно предположить, что в волонтерских движениях есть трудности, связанные с освоением данных видов деятельности по внешним (финансовым, организационным, правовым аспектам) и внутренние (неформальное лидерство, нерегулярность участия, виртуализация проблем).

Таким образом, субъекты регионального пространства, включающие разнообразные формы социальной самодеятельности и самоорганизации, выстраивают карьерные стратегии в «параллельных мирах»: реалиях регионального пространства, где эффективны карьерные стратегии жизненного успеха, ориентированные на объем социальных ресурсов и воспроизведение алгоритма стабильности, и карьерные стратегии социального самоопределения, реализация которых затруднена в связи с неналаженностью механизма конвертации культурно – символических и социальных ресурсов или во властные/экономические, или с переводом в состояние социального актива.

Здесь нужно учитывать и поколенческие факторы: постсоветские поколения молодежи, дифференцированные на три поколенческих субгруппы, характеризуются акцентом на самостоятельность карьерных усилий, на поиск социального самоопределения через стремление занять социально–экономические, социально–технологические, социально– экологические ниши, опираясь на показатели личной ресурсности (образование, профессия, семейный и культурный капитал). Но следует подчеркнуть, что ресурс инициативы и оптимизма актуалистичен: постсоветское поколение не «заглядывает далеко вперед», настроено на закрепление достигнутого жизненного успеха и не склонно рисковать ради «миражей будущего» [Филина, 2016: 12].

Новые социальные лифты являются сильным стимулом для принятия и реализации карьерных стратегий социального самоопределения, так как содержат возможности восходящей социальной мобильности, включающие социальное творчество, социальное участие, социальную компетентность. Востребованность отмеченных социальных качеств определяется двумя обстоятельствами: во–первых, изменение социально – статусных позиций индивида связано с показателями престижа, полезности, эмпатии, что важно, так как характеризует отличие новых социальных лифтов от традиционных, где ключевыми являются показатели доходов, профессионализма, образованности, карьерных перспектив.

Во–вторых, субъекты регионального пространства, ориентированные на новые социальные лифты, воспринимают карьерные перспективы с позиции социальной удовлетворенности, отсутствия эффектов депривации и эксклюзии. В таком жизненном настрое есть и ограничивающий негативный момент, связанный со стремлением к обособленности, замкнутости, с демонстрацией независимости от

властных структур, от карьеристов. Показательно, что социальные акции предпринимаются на базе различных общественных организаций или интернет – площадок, – структуры власти на муниципальном и региональном уровнях менее востребованы. Новые субъекты регионального пространства, и в этом убеждает опыт деятельности волонтерских движений, осторожно относятся к перспективе включенности в официальный региональный дискурс, полагая, что их деятельность может быть ограничена, формализована, подчинена властной вертикали и превратится в формальную структуру наподобие организаций самопредставительства, присваивающих делегирование интересов различных групп общества, но работающих в режиме сотрудничества с властью ради узкогрупповых интересов [Халий, 2007: 296].

Российские исследователи, изучая феномен «поколение в сетях», пришли к выводу, что возник негативный социальный синдром (дефицит целенаправленной деятельности, невозможность нормального взаимодействия в социальной группе, утрата эмпатии и пассионарности) [Теряемое поколение, 2020: 8]. Как это соотносится со стремлением создания новых социальных лифтов и выстраивания карьерных стратегий социального самоопределения в региональном пространстве?

Если основываться на вышеотмеченных показателях социальной активности волонтерских движений в регионах, очевидно, что в их деятельность вовлечена социально авангардная молодежь, которая, несмотря на солидные показатели участия, составляет меньшинство региональной молодежи. Но если принимать во внимание дефицитные для большинства молодого поколения социальные качества эмпатии, пассионарности, коммуникативности, то волонтерские движения вызывают симпатии и поддержку социально пассивной молодежи. Следует подчеркнуть, что позитивное отношение к волонтерским движениям в молодежной среде связано не с возможностями «должностной» карьеры [Горшков, 2016: 283], – волонтерские движения привлекательны «неформализованностью, добровольностью, самостоятельностью, демократизмом».

Резюме

Можно констатировать, что если определить ресурсоспособность субъектов регионального пространства, как конституирующую новые социальные лифты, то в контексте конвертации социальных ресурсов формируется перспектива перехода к карьерным стратегиям социального самоопределения, соответствующим возможностям новых социальных лифтов. Тем не менее не стоит переоценивать динамику социальной активности субъектов регионального пространства, и это касается тех новых социальных лифтов, где отражаются трудности выстраивания карьерного пространства как конфигурации социальных взаимоотношений, основанных на договоре между региональными элитами и социально творческими слоями регионального пространства по созданию «деятельностного контура», поиска и формирования солидаризационных оснований для алгоритмизации карьерных стратегий социального самоопределения, которые с признанием иных карьерных стратегий в региональном пространстве содействуют укреплению консолидационных оснований по выработке общих целей и стратегий социально активного действия.

Библиографический список

Волков Ю. Г. Креативность: исторический прорыв России. М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. 328 с.

Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М.: Новый хронограф, 2016. Т. 2. 496 с.

Доклад «О проведении научных, социологических и статистических исследований, направленных на изучение форм и масштабов участия граждан и организаций в добровольческой (волонтерской) деятельности». Февраль 2019 [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/21338.pdf> (дата обращения: 18.03.2020).

Дука А. От перемены мест ничего не меняется // Огонек. № 3. 27 января 2020.

Козлов Д. В., Потороченко И. А. Программно – целевой метод и стратегическая дилемма инновационного развития региона // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый хронограф, 2015. С. 245–247.

Лапин Н. И. Модернизация как глобальный вызов и стратегия повышения её социокультурной эффективности в регионах России // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый хронограф, 2015. С. 58–59.

Маркин В. В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Гражданское общество в России: [веб-сайт]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Markin_Regionalnaya.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

Рагозин Д. Это мир непубличных людей // Огонек. № 1–2. 18 января 2016. С. 16–17.

Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156. DOI:10.15593/2224–9354/2018.1.14.

Теряемое поколение // Огонек. № 4. 03.02.2020. С. 8.

Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

Трушин А. Территория полуприцепов // Огонек. № 20. 18 марта 2019. С. 8–9.

Филина О. Рожденные не в СССР // Огонек. № 32. 19 августа 2016.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: КЛАССИКА-XXI, 2011. 430 с.

Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде / М.: Институт социологии РАН, 2007. 300 с.

Черкасова Ю. С. Динамика изменений карьерных ориентаций участников волонтерского движения (на примере центра волонтеров ВГУЭС, г. Владивосток) // [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5: [веб-сайт]. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15991> (дата обращения: 19.03.2020).